

После более чем месяца счастливых дней Чу Тянь вполне наслаждался этой беззаботной жизнью, как вдруг в дверь поспешно заглянул огненный павлин.

"Эй, павлиниха идет! О, пойдём, брат мой, у меня тут есть место!" Увидев огненного павлина, Цзынь вскинула брови и с ноткой настороженности встала и села напротив Чутянь. На каменной скамье я уступил свое прежнее место огненному павлину.

Чу Тянь закатил глаза.

Огненный павлин попятился, как испуганный ежик, и каждый его волосок был резко взлохмачен фиолетовым скорпионом, и медленно прошел в беседку двух людей, Ши Ширан стояла у входа в беседку.

"Сидеть негде, павлин очень любопытный. Я слышал, что брат Феникс каждый день ест и ест в изумрудной скале... Мне страшно, тебе не стыдно?". Огненный павлин действительно сердитый и пурпурный, и при встрече он не безобразен. Янг ударил его ножом.

"Ха-ха-ха, может смешивать, есть и умирать, это тоже умение!" Цзы Яньшэн прищурил глаза в сторону огненного павлина, "□" раскрыл большой складной веер, щелкнул веером и схватил "Чутянь" Чай сделал глоток.

Очистив скорпиона, Цзы Яньшэн тускло сказал: "Павлиниха, сынок, я могу и смешать, и съесть, и умереть, вот это умение, вот это талант, вот это сын моего рода! Видишь, мой двоюродный брат не сказал, что это такое, огромный изумрудный утес, воспитывающий бездельника, что это такое?".

Ему не было стыдно за внезапно проснувшегося пурпурного скорпиона, он просто поднял чашку с чаем Чутяня и сделал глоток.

Он поспешно отставил чашку, дважды сильно кашлянул, посмотрел на застывшего Чутяня и гордо сказал: "У меня есть эта способность есть и умирать, у меня есть эта смелость есть и умирать, у меня есть этот характер". Смешать, съесть и умереть... Я могу, смеешь?"

Чу Тянь молча потерял дар речи, он повернул голову и посмотрел на старого Цзиньгуя на втором этаже Изумрудного Утеса.

Ствол дерева, который был почти раздавлен главным пиком Изумрудного утеса, мягко кивнул - ну, чтобы найти способ Главный пик Изумрудного утеса переместился на место, этот старый Цзиньгуй получил питание от вала белого нефрита Цицяо Тяньчжу, но все более и более огромный, главный пик Изумрудного утеса почти не имеет возможности жить.

Улыбающееся лицо огненного павлина вдруг стало жестким, и она вяло посмотрела на Цзы Цзышэна. Через некоторое время она кивнула.

Действительно, сказать нечего!

О, хотя слова Цзы Яньшэна бесстыдны, огненный павлин не может найти опровержения!

Да, смешивать и есть - это своего рода мастерство, это своего рода мастерство. Ее огненный павлин не осмелился бы сделать это. В небесном огне огненный павлин одной из трех великих святых осмелится съесть и умереть, она и ее последователи. Они будут использованы в качестве соуса, чтобы вытереть их насухо!

После вздоха облегчения в глазах слепого, через некоторое время, огненный павлин закусил зубы и холодно улыбнулся: "Хорошая жизнь... бесстыжая!".

"Этот сын, есть бесстыжий капитал!" Цзы Янь улыбнулся и посмотрел на огненного павлина: "Ты не можешь, значит, ты мне завидуешь!"

Огненный павлин только почувствовал, что часть внутренних органов рванулась вверх, и она чуть не бросилась вон из крови.

Зловещий оглушил фиолетового скорпиона, а огненный павлин, пыхтя, уселся на сиденье фиолетового соболя, и схватил соболя соболя, и □□□□ □ налил два чая.

Цзы Яньшэн подождал, пока огненный павлин проглотит чай, и медленно сказал: "Эй, павлиника, тебя интересует слюна этого сына? О, проглоти его так сердечно!".

Чу Тянь закатил глаза и посмотрел на небо. Он был слишком ленив, чтобы что-то сказать!

Брат Цзы, ты такой непослушный, ясно?

Лицо огненного павлина было зеленым, белым, красным, черным, и она некоторое время смотрела на пурпурного скорпиона, а потом поняла, что когда она подошла, Цзы Яньшэн встала со своего места.

Сидя рядом с Чу Тянем, огненный павлин был смущен Цзы Янь, она совсем забыла, что сиденье, на котором она сидела, на самом деле было фиолетовым!

Это *** маленькое белое личико!

Огненный Павлин закусил зубы, и она медленно встала, уставившись на фиолетового скорпиона с парой огнедышащих: "Брат Феникс, Павлин хочет знать, твоя культивация так же сильна, как и твой язык!" "

Цзы Яньшэн играл со складным веером в руке и намеренно склонил голову, чтобы посмотреть на шахматную доску на столе. Он медленно сказал: "Хорошие мужчины не дерутся с женщинами, эй, этот, я должен упасть здесь, хаха!"

Голова огненного павлина загорелась ярким пламенем, и почти зажгла беседку, в которой находились трое.

Чу Тянь взял пощечину в ладони. Синий слабый холод в беседке окутал серо-белые кости. Пламя, вырвавшееся из вершины огненного павлина, уловило страшный жар костра.

Он не осмелился позволить Цзы Яньшэну и огненному павлину продолжить разговор.

Цзы Яньшэн - человек, который безудержно бегал с Фэнцзин. Я не знаю, где на рынке можно выучить язык мошенников. Огненный павлин учит высокому статусу в поднебесье и стоит очень дорого. Это ссора. Возможно, это соперник Цзы Яньшэна?

Она не сердится на него, и у нее есть призрак!

"Святой павлин, подойди сегодня к двери, в чем дело?" Чу Тянь посмотрел на огненного павлина и поспешил открыть тему: "В этом месяце, каждый день, группа Ваньнянь Даня отправлялась к святому, там недостаточно использованных?"

Теперь ими восхищается Дань Дао, и количество квалифицированных Ваньтянь Дань, производимых каждый день, значительно увеличилось, чтобы удовлетворить потребности Огненного Павлина и пяти основных семей.

Ваньтянь Дань, это настоящий стратегический ресурс. С тем количеством Ваньтянь Дань, которое Огненный Павлин получает каждый день, ее хватит, чтобы использовать большое количество мастеров в Тяньхуо, преподающих для нее.

Чу Тянь не мог понять, зачем она пришла.

Огненный павлин взглянул на фиолетового скорпиона и осторожно достал из рукава разноцветный бамбуковый лист.

Бамбуковые листья длиной в три фута и шириной в ладонь в основном зеленоватого цвета, а по краю бахромы со следами темного золота - очень старые и чрезвычайно древние.

Чу Тянь моргнул глазами. Со времен Лунчжэн Цзюня он наконец-то увидел Дань Фана, который записал секреты Гу Даныши.

"Это и есть Гу Даныфань! Ну, ци Цинъюнь Юньдань Дань! Эй, Дань Фан немного интересный!" Чу Тянь посмотрел на Дань Фан, сначала записал сотни основных и вспомогательных трав, необходимых для алхимии, а затем тщательно Детали Дань Фан.

Огненный Павлин нервно посмотрел на Чутяня: "Тяньши, этот Данытянь, можешь ли ты рафинировать его?"

Чу Тянь серьезно изучил Дэн Фан. В конце концов, он кивнул. "Проблема не велика. Это лекарственное изменение Даныбянь сложное, но его не трудно рафинировать. Это всего лишь самый важный лекарственный материал". Костный мозг... это редкий материал!"

Божья магия, это то, чего нет в священном лекарственном наследии храма Цицяо.

Напротив, в лекарственной классике Тайицин Линцзун записано существование богов и тайн. Просто среди предков Тайицин Линцзуна не так много тех, кто действительно видел магию богов. Происхождение богов и духов неясно для предков Тайцзин Линцзуна.

Чу Тянь с любопытством посмотрел на огненного павлина: "Другие лекарства, пусть и драгоценные, тоже можно собрать. Только это **** волшебство..."

Огненный павлин самодовольно улыбнулась, перевернула ладонь, и в ее руках появилось несколько разноцветных искр.

Цзы Яньшэн улыбнулся: "Эй? Павлиниха, ты действительно можешь достать эту **** магию? Эта штука, но не много".

Чутянь поспешно захрипела: "Ну, с этой магией бога, этот газ чист и прозрачен, и он десять девять".